

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Научная статья

УДК 81'374

doi: 10.17223/22274200/28/3

Об исследовательском потенциале лексикографических комплексов фольклорных текстов

Мария Александровна Бобунова¹

¹ *Курский государственный университет, Курск, Россия, bobunova61@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются лексикографические комплексы фольклорных текстов и их исследовательский потенциал. Описана структура лексикографических комплексов и принципы их создания. Отмечаются возможности использования разных компонентов комплекса для всестороннего изучения языка фольклора конкретного жанра и региона, а также проведения разноаспектного сопоставительного исследования для выявления жанровой и территориальной дифференциации языка фольклора. Намечаются перспективы дальнейшей работы.

Ключевые слова: язык фольклора, словарь, фольклорная лексикография, лексикографический комплекс, конкорданс

Для цитирования: Бобунова М.А. Об исследовательском потенциале лексикографических комплексов фольклорных текстов // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 44–65. doi: 10.17223/22274200/28/3

Original article

doi: 10.17223/22274200/28/3

On the research potential of lexicographic complexes of folklore texts

Mariya A. Bobunova¹

¹ *Kursk State University, Kursk, Russian Federation, bobunova61@mail.ru*

Abstract. The article deals with the lexicographic complexes of folklore texts and their research potential. The structure of the complexes and the principles of their creation are described. Each component of the complex is briefly characterized: folklore megatext, alphabetical frequency glossary, word list and concordance. The folklore megatext is viewed as a unified text that combines specific passportized texts related by genre and spatiotemporal characteristics. The alphabetical frequency glossary includes all megatext lexemes, arranged in alphabetical order, indicating the frequency of each word. It is created by means of a special computer program NewSlov. The word list represents language units in a descending order of frequency, and the concordance is an alphabetical list of all the words of the folklore megatext with the contexts of their usage. The basis of the first complexes was the collection *The Great Russian Folk Songs*. The choice was due to the authority of the collection, in which the texts are systematized according to the topical principle and are accompanied by the indication of the territory and the time of their recording. With the complex “Voronezh” as an example, the author shows that each component of the complex has an independent research value for studying the language of folklore of a particular genre and region. She emphasizes that the availability of different complexes created by the same research team based on the same principles allows carrying out comparative studies to identify the genre and territorial specificity of the folklore language. Certain examples demonstrate the opportunities of a comparative analysis of word lists of different folklore genres (non-ritual lyrics, epics, fairy tales), individual word-formation families (with the root *skor-* and *sovet-*) and even specific lexemes (adjective *khudoy*). The author concludes that lexicographic complexes bear high research potential. They combine focus on each linguistic phenomenon with attention to all the material and turn out to be a reliable instrument for solving urgent issues of linguistic studies of folklore related to the specifics of the language of different genres of folklore, territorial differentiation and idiolectic nature of folk song language. In addition, lexicographic complexes become a certain platform for creating dictionaries of various types, among which the already tested experimental forms stand out: contrastive dictionaries and dictionaries of a single word. The prospects for further lexicographic work are outlined. They are connected with the expansion

of the source base of complexes of folklore texts and the application of this idea in authorial lexicography.

Keywords: folklore language, dictionary, folklore lexicography, lexicographic complex, concordance

For citation: Bobunova, M.A. (2023) On the research potential of lexicographic complexes of folklore texts. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 28. pp. 44–65. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/28/3

В своем докладе на международном симпозиуме «Лексикография цифровой эпохи» (Томск, 2021 г.) мы говорили об идее создания лексикографических комплексов фольклорных текстов и ее реализации курскими лингвофольклористами [1]. Целью нашей статьи является выявление исследовательского потенциала данных комплексов, которые создаются с опорой на жанровую, территориальную и временную однородность фактического материала.

Базой первых комплексов стал свод «Великорусские народные песни» [2]. Наш выбор был обусловлен авторитетностью указанного собрания, в котором тексты, систематизированные по тематическому принципу (1 т. – низшие эпические песни, 2 и 3 тт. – семейные песни, 4 и 5 тт. – любовные песни, 6 т. – рекрутские, солдатские, казачьи, разбойничьи и др., 7 т. – юмористические и сатирические песни), сопровождаются указанием на территорию и время их записи. Опираясь на мнение лингвофольклористов о своеобразии языка низших эпических (= балладных), а также юмористических и сатирических песен, на первом этапе работы при составлении комплексов мы ограничились материалами пяти томов (т. 2–6).

Всего нами подготовлено одиннадцать комплексов необрядовой народной лирики, записанной в XIX в. в Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Пермской, Саратовской, Самарской, Казанской, Курской, Воронежской губерниях и в Сибири.

Разрабатываемые нами комплексы имеют четыре составляющих: 1) фольклорный мегатекст; 2) алфавитно-частотный словник; 3) частотный словарь; 4) конкорданс. Кратко прокомментируем содержание каждой части.

Фольклорный мегатекст в нашем понимании – это целостный упорядоченный корпус конкретных паспортизированных текстов, связанных жанровой и пространственно-временной характеристикой. Этот мегатекст существует как в письменной, так и в электронной

форме, что позволяет использовать его для создания разных лексикографических «продуктов». Как искусственное образование фольклорный мегатекст может иметь разный объем и качественный состав, зависящий от задач исследования.

Алфавитно-частотный словарь, который включает все лексемы мегатекста, расположенные в алфавитном порядке с указанием частотности каждого слова, создается с помощью специальной компьютерной программы, позволяющей исследователю сортировать материал, объединять словоформы в лексемы и при необходимости разграничивать омонимы.

Частотный словарь, создающийся на базе алфавитно-частотного словаря, представляет собой перечень всех лексем в порядке убывающих частот.

Наиболее информативным для филолога компонентом комплекса является конкорданс – алфавитный список всех слов фольклорного мегатекста с приведением паспортизированных контекстов их употребления (номер тома свода и номер песни).

Первоначально мы полагали, что подготовленные комплексы станут лишь источниковой базой для последующей лексикографической работы, но, как оказалось, каждая составляющая комплекса имеет самостоятельную исследовательскую ценность для изучения языка фольклора конкретного жанра и конкретного региона. Покажем это на примере комплекса «Воронеж» [3].

Фольклорный мегатекст, включающий 80 паспортизированных текстов, позволяет читателю прежде всего познакомиться с отобранными из свода с опорой на территориальные пометы необрядовыми лирическими песнями, записанными в Воронежской губернии в XIX в. Хотя в Интернете можно найти данные тексты, мегатекст экономит время пользователя и дает возможность сразу приступить к исследовательской работе. Значимость мегатекста определяется не только возможностью знакомства с полными текстами песен, но и наличием надежной базы для любой поисковой работы.

Полный алфавитно-частотный словарь, включающий знаменательные и служебные слова, состоит из 1 742 лексем. Отметим некоторые черты наших словарей, учитывающих особенности фольклорного текста. В частности, самостоятельными словарными единицами считаем диминутивы (*верейушка, досадушка, кочаночек, лошадушка, рученька, рыбушка, чарочка, шатерик, шубенка; крепенький, све-*

женький, смиренький; позднихонько, скорешенько, смелешенько), которые нередко являются территориально ограниченными или специфически фольклорными наименованиями, что подтверждают материалы диалектных словарей, например: *ветлёвенький* 'Уменьш.-ласк. к ветлёвый' [4. Вып. 4. С. 194]; *горушка* 'Фольк. Ласк. Горка, горочка' [4. Вып. 7. С. 72]; *звездушка* 'Фольк. Звездочка' [4. Вып. 11. С. 213]; *очушки* 'Фольк. Ласк. Очи, глаза' [4. Вып. 25. С. 75]; *соседик* 'Ласк. Сосед' [4. Вып. 40. С. 41]; *тропинушка* 'Фольк. Ласк. Тропинка' [4. Вып. 45. С. 131].

Хотя причастия и деепричастия мы считаем особыми формами глагола, отдельные словоформы, не имеющие в фольклорных текстах соотносительных глаголов или характеризующиеся нетипичным для литературного языка формообразованием, могут выступать в качестве самостоятельных словарных единиц, например: *накищенный* 'Отделанный, украшенный кистями' [4. Вып. 19. С. 320], *глядемчи, напоемчи, подоемчи, процежемчи, сидемчи*:

*Шелковые поводьики,
Золотые махорики,
Накищенная узда...* [2. Т. 5. № 772¹].

*Аринушка коровушку доила,
Подоемчи, молочко цедила,
Процежемчи, дружка Ваню поила,
Напоемчи, уговаривала* [2. Т. 3. № 419].

Для разных фольклорных жанров характерно использование синкретичных конструкций разных типов (синонимические сближения, репрезентативные пары и др.), которые обладают цельностью значения и функциональной значимостью, например: *зрелый-спелый, кивать-махать, клубок-нити, пить-есть, пора-время, стеречь-беречь, тоска-горе, чай-водка*. Такие конструкции претендуют на статус самостоятельных словарных единиц.

*Что за эти клубок-нити
Хочет мати больно бити* [2. Т. 2. № 85].

*Мы сидели за убранным за столом,
Пили-ели одно кушанье с тобой...* [2. Т. 5. № 731].

¹ Здесь и далее указывается номер песни.

*На беседе сударка была,
Со мной рядом сидела,
Рядом сидела, **чай-водку** пила* [2. Т. 5. № 683].

Одним из компонентов может выступать диалектное или собственно фольклорное слово, например: *гуторить* 'Дружески беседовать, разговаривать между собой; говорить, рассказывать что-нибудь' [4. Вып. 7. С. 250]; *гаять* '3. Кричать, шуметь' [4. Вып. 6. С. 156]; *назолушка* 'Фольк. Тоска, кручинушка' [4. Вып. 19. С. 288]:

*Люди бают и **гуторят-говорят**:
«Твоему мужу во солдатах помирать,
Твоим детям сиротами вековать!»* [2. Т. 5. № 161].

*Во кабак идет невежа, – свищет-пляшет,
Из кабака идет невежа, – **шумит-гает*** [2. Т. 2. № 419].

*Не пой, не пой, соловьюшко, во втором часу,
Не дай **тоски-назолушки** сердцу моему!* [2. Т. 5. № 663].

Полагаем, что алфавитный словник является отправной точкой для дальнейшей исследовательской работы. Так, словник позволяет выбрать лексемы конкретной тематической группы, например: «Одежда» (*кафтан, платье, рубашечка, салопчик, шуба, юбка*), «Ткани» (*бархат, китайка, парча, плис*), «Пища» (*калач, каша, пирог, чай, щи*), «Животный мир» (*волк, горноста́й, заяц, конь, коровушка, лошадь*), «Растительный мир» (*дубочек, калина, капуста, куст, повилика, рожь, рябинушка, трава, яблоня*), «Свойственники» (*деверь, золовка, невестка, свекор, свекровь, тессть*). Интерес представляют характерные для воронежских песен антропонимы (*Авдотьюшка, Алеша, Аринушка, Ванька, Дуня, Матвей, Маишурка, Настюшка, Никита, Феклушка*) и топонимы (*Дон, Дунай, Кострома, Москва*).

С помощью алфавитного словника исследователь может выявить слова определенной словообразовательной модели, например глаголы с префиксом *при-*, среди которых есть многоприставочные (*привезти, привязать, призадуматься, прилетать, принапудрить, пристряпать, притоптать, приунуть, приукатать, приутешить* и др.), прилагательные с префиксом *раз-/рас-* (*раздобрый, разлюбезный, размалиновый, размилый, разнесчастный, расподлый, распостылый, расприятный, распроклятый*).

Известно, что частотный словарь «в своем начале содержит те слова, которые называют главные элементы соответствующей разновидности культурно-языковой картины мира и указывают на основные тематические составляющие большинства текстов определенного жанра» [5. С. 20], поэтому такой словарь тоже является полезным источником информации. С его помощью можно выявить наиболее употребительные слова анализируемого мегатекста.

Проанализируем состав 50 самых частотных слов в воронежских песнях. Как оказалось, значительную часть данного списка составляют местоимения и служебные слова, играющие роль заполнителей и организаторов любого текста.

Первое место по употребительности занимает местоимение *я*, второе – частица *не*, третье – местоимение *ты*. Показательны высокочастотные знаменательные слова: существительные, обозначающие типичных персонажей лирической песни (*жена, друг, молодец, сударушка, девка*), животный мир (*конь*) и фольклорный локус (*сад*); цветные и оценочные прилагательные (*милый, молодой, белый, зеленый, родной*), глаголы существования, говорения, движения, эмоционального состояния (*быть, жить, сказать, пойти, ходить, стоять, любить*). Закрывает список числительное *один*.

Помимо этого, частотный словарь позволяет определить процентное соотношение высокочастотной и низкочастотной лексики, а также говорить о месте гапаксов (слов, встретившихся в фольклорном мегатексте один раз), которые являются показателем лексического разнообразия фольклорного текста. На их долю приходится 56% всего словника. Заметим, что в группу единичных лексем часто попадают слова ограниченной сферы употребления, среди которых зафиксированы специфически воронежские, о чем свидетельствуют территориальные пометы диалектного словаря, например: *махорики* ‘Бахрома <...> Ворон., Соболевский’ [4. Вып. 18. С. 51], *потаючи* ‘Тайком, украдкой <...> Ворон.’ [4. Вып. 30. С. 269], *растосковать* ‘Растосковать свою жизнь между кем-л. *Фольк.* Найти успокоение, отвлечение от своих горестей, печалей, забот среди кого-л. <...> Ворон., Соболевский’ [4. Вып. 34. С. 269], *союдный* ‘Согласный, дружный <...> Ворон., Соболевский’ [4. Вып. 40. С. 103]:

*Я потаючи от батюшки,
Гулять с тобой пойду* [2. Т. 4. № 606].

*«Не женись-ка, друг Ванюша, никогда!
Если женишься, друг, – переменишься!
Растоскуй-ка свою жизнь молодую, душа,
Между девок, между баб молодых!»* [2. Т. 3. № 419].

*Соседики – люди злые,
Не союдная семья...* [2. Т. 5. № 528].

Безусловно, филолог не может ограничиваться алфавитными и частотными списками лексем, для него важна семантика каждого слова. Установить ее помогает конкорданс, отличительной чертой которого является наличие исчерпывающего иллюстративного материала [6]. Хотя контексты в целом достаточны для реализации смысла заголовочного слова, в случае необходимости читатель, опираясь на паспортизацию, может обратиться к более широкому контексту, представленному в разделе «Фольклорный мегатекст».

Приведем фрагмент конкорданса (первые 10 слов на букву «О»). В примерах сохранена оригинальная орфография и прописная буква каждой новой стихотворной строки.

о 1. Что ты, Дуня, пригорюнилась, *О* чем, Дуня, призадумалась? <4,635>

об 4. Постучу я *об* окошко: Выйди, миленький, ко мне, Выдь, хороший, на чашок, Приутешь-ка горьких слез! <4,508>; *Об* ком сокрушаюсь, – его здесь нет; <5,118>; – Живи, живи, моя сударушка, Живи, ни *об* чем не печалься! <5,555>; Щука рыба *об* лед бьется, А я, девка, слезно плачу <5,627>

обида 1. Интерес твой не фигурен, Мне *обида* дорога <4,261>

обить 1. Его девка полюбила, В Кострому город вступила, Плису, бархату купила, Короватку *обила*, Тесовую сукрасила <4,77>

облестить 1. Один молодец девчонку *облестил*, Он с ея руки колечко получил <5,731>

обломиться 1. Коровать моя *обломила*, – Все дружья-братья провалились, Разъезелились, расположились <3,152>

обмануть 1. *Обманул* ее обманщик молодец, Дал ей перстень, получил свое кольцо, А сам вышел на паратное крыльцо, Простудил он свое белое лицо! <5,731>

обманщик 1. *Обманул* ее *обманщик* молодец, Дал ей перстень, получил свое кольцо, А сам вышел на паратное крыльцо, Простудил он свое белое лицо! <5,731>

обманывать 2. Гарнитуровым платочком помахивала, Свою родную матушку *обманывала* <4,606>; – Ты не лести, подлец, словами, Не *обманывай* в глаза! <5,743>

обмочить 1. А я свою сударушку на рученьках перенес, Перенес, перенес; только, только *обмочил* <5,315>

Хотя в конкордансе не дается толкование слов, читатель, благодаря иллюстративному материалу, может самостоятельно определить или предположить значение той или иной лексемы. Приведем несколько примеров. Так, прилагательное *бравый* используется в воронежской лирике не в общеупотребительном значении ‘молодцеватый, мужественный, смелый’, а в диалектном ‘Красивый, видный’ [4. Вып. 3. С. 146]: *Уродился мальчик **бравый**, Он собою бел, хорош, Русы кудри завивныя, Принапудреныя* [2. Т. 4. № 77]; *Сударушка-то моя Была девка **бравая**; На ней шуба новая, Опушка бобровая, Сама чернобровая* [2. Т. 4. № 694]. Диалектное значение проявляется и у существительных *погодушка* ‘Ветер’ [4. Вып. 27. С. 301]: *Подуй, подуй, **погодушка** немаленькая, Раздуй, развеи мне рябинушку кудрявенькую!* [2. Т. 5. № 663]; *переговоры* ‘Обычно мн. Пересуды, сплетни; пустые разговоры, болтовня’ [4. Вып. 26. С. 67]: *Не то тошно, что бьют больно, – Тошней того **переговоры**, **Переговоры** девичьи* [2. Т. 2. № 539]; *kozyри* ‘Нарядные, красиво отделанные (часто расписные) сани’ [4. Вып. 14. С. 76]: *Запрягу я тебе ворона коня, Ворона коня, сани **kozyри**, узды с блестящими, Хомут в золоте, шлея в серебре* [2. Т. 4. № 156].

Кроме того, с помощью конкорданса можно ответить на целый ряд вопросов. Например, что в воронежской народной лирике видится черным (8 словоупотреблений, далее – цифра). Оказывается, что чаще всего черными представляются *брови* – 3, реже – *шляпа* – 2, *ягода смородина* – 1, *гроб* – 1, *крест* – 1. Прилагательное *широкий* (9) в воронежских песнях согласуется с существительными *ворота* – 2, *двор* – 2, *улица* – 2, *дорожка* – 1, *лист* – 1, *поле* – 1, а слово *лютый* (5) используется для характеристики свойственников (*деверь* – 1, *золовка* – 1, *свекор* – 1, *свекровь* – 1) и мороза – 1.

В целом все компоненты лексикографического комплекса содержат объективную информацию, воспользоваться которой может любой пользователь. Идея создания лексикографических комплексов нам показалась перспективной. Позже были сформированы комплексы балладных и юмористических песен Курской губернии [7], курских сказок [8], онежских былин. В настоящее время база песенных и былинных текстов продолжает расширяться, а также формируется комплекс курских частушек.

Полагаем, что каждый комплекс в отдельности становится надежным источником изучения народно-песенной речи, имеющей определенные пространственно-временные и жанровые характеристики. Однако иссле-

довательская ценность комплексов этим не ограничивается. Наличие разных комплексов, созданных одним творческим коллективом с опорой на одни и те же принципы, позволяет осуществлять сопоставительные исследования для выявления жанровой и территориальной специфики языка фольклора. Сравнение может проводиться на уровне всего словника, тематических групп, словообразовательных моделей и даже отдельных лексем. Покажем это на конкретных примерах.

Так, сравнение «верхушечной» части частотных словарей лирических песен, записанных в разных регионах России, показало значительное число совпадений, что подтверждает единство жанра. В то же время сопоставление с частотным словарем песен балладного типа выявило отличия, обусловленные спецификой жанра. Об этом свидетельствуют слова, совсем отсутствующие в другом словаре или отличающиеся более высокой частотностью в низших эпических песнях, например: *сестра, брат, корабль, шатер, плакать* [7]. Значительно больше различий наблюдается при сравнении частотных словарей необрядовой лирики и эпоса. Среди высокочастотных знаменательных слов онежских былин существительные *богатырь, князь, молодец, матушка, сын, конь, поле, земля, город/град, слово, рука, голова, сила, пир* [9]. Верхние позиции частотного словаря курских сказок, записанных Ф. Белкиным в Тимском уезде Курской губернии и опубликованных в сборнике «Труды Курского губернского статистического комитета» за 1863 год, занимают существительные *Иван-царевич, брат, дядька, царь, волк, змей, отец, батюшка, дочь, конь* [8]. Как видим, по наиболее употребительным словам определенного жанра можно составить представление, о чем повествуют эти тексты.

Одну из возможностей выявления жанровой специфики языка фольклора мы видим в сопоставлении отдельных словообразовательных гнезд народно-песенных текстов. Нами был проведен сравнительный анализ словообразовательного гнезда с вершиной *скорый* на материале лексикографических комплексов онежских былин, собранных А.Ф. Гильфердингом в 1871 г., и необрядовых лирических песен, записанных в XIX в. в разных регионах России [10], который позволил выявить как общефольклорные, так и специфически жанровые черты. Представим словники лексем с корнем *скор-* в двух фольклорных жанрах (в алфавитном порядке), где жирным шрифтом выделены совпадающие лексемы (таблица).

Алфавитный список слов с корнем *скор-* в былинах и песнях

Онежские былины	Необрядовые песни
вскоре <i>наскори/наскоро</i> поскорее/поскорей поскорешенько скорее/скорей скоренько скорехонько скоро <i>скоровестный</i> <i>скоро-наскоро</i> <i>скорописчатый</i> <i>скоропоспешный</i> скорый <i>скорым-наскоро(и)</i> <i>скорым-скоро</i> <i>ускорить</i>	вскоре поскорее/поскорей поскорешенько скорее/скорей скоренько скорехонько <i>скорешенько</i> скоро <i>скоро-бегло</i> <i>скороспейка</i> <i>скороспелый</i> <i>скороход</i> скорый

В словниках (особенно на материале эпоса) немало областных и собственно фольклорных лексем, например: *наскори* ‘Фольк. Немедленно; скорее’ [4. Вып. 20. С. 165]; *скоровестный* ‘Фольк. Эпитет посла, гонца’ [4. Вып. 38. С. 94]; *скорописчатый* ‘Фольк. 1. Рукописный, непечатный; написанный скорописью’ [4. Вып. 38. С. 102]; *скоропоспешный* ‘Фольк. Быстрый, скорый (о гонце, посланнике и т.п.)’ [4. Вып. 38. С. 102]; *скороспейка* ‘Фольк. Эпитет змеи’ [4. Вып. 38. С. 103]. В былинах были зафиксированы композиты *скоро-наскоро* ‘очень быстро’ (СРНГ: 38: 92), *скорым-наскоро* ‘очень быстро’ [4. Вып. 38. С. 108], *скорым-скоро* ‘Фольк. Очень быстро’ [4. Вып. 38. С. 108].

Своеобразие проявляется не только в лексическом составе словников, но и в количественных данных. Исследование показало, что слова с корнем *скор-* в большей степени характерны для эпоса, где наибольшей частотностью отличается наречие *скоро*.

Мы полагаем, что поиск жанрово маркированных лексем должен сопровождаться и выявлением жанровой специфики в употреблении общефольклорных слов, что подтверждает анализ синтагматических связей прилагательного *скорый*. Проведенное исследование выявило широкую валентность данного слова в онежском эпосе, где оно используется для характеристики не только людей, но и предметов, и

абстрактных понятий (*скорые гонцы, скорый посол, скоры ноженки, скорая смерть*). Для былин характерны следующие сочетания: *скорая жизнь* ‘Фольк. Короткий (о жизни)’ [4. Вып. 38. С. 108], *скорая ско-морошина* ‘Шустрый, бойкий, ловкий (о человеке, его руках, ногах и т.п.)’ [4. Вып. 38. С. 108], *скор на походу* ‘Фольк. О том, кто быстро ходит’ [4. Вып. 38. С. 108], *в скором времени* ‘Фольк. За короткий промежуток времени, быстро’ [4. Вып. 38. С. 108].

В необрядовой лирике, как свидетельствуют лексикографические комплексы, прилагательное *скорый* используется значительно реже и преимущественно в песнях северных губерний (Олонецкой, Архангельской и Вологодской) в сочетании с существительными *грамотка, письмо, разлука*.

Давно доказано, что язык лирических песен территориально дифференцирован [11], что подтверждают материалы наших комплексов. Покажем это на примере словообразовательного гнезда с корнем *совет-*, которое в песенном фольклоре в целом не отличается разнообразием и совсем не представлено в лирике Саратовской, Казанской губерний и Сибири. В воронежских песнях выявлено одно существительное *совет*, в курском – два: *совет* и *советница*. В песнях северных губерний (Архангельская, Олонецкая, Вологодская) наряду с существительным *совет* встретились глаголы *советать, советовать, посоветовать*, не характерные для фольклора южных регионов. А прилагательные и предикативное наречие обладают ярко выраженной территориальной спецификой, поскольку фиксируются в пределах одной песенной традиции: *советный* и *советно* в пермских песнях, а *несоветный* в самарской лирике.

Заметим, что существительное *совет* в песенном фольклоре, особенно в песнях южных губерний, используется в значении ‘Согласие, дружба, лад’ [4. Вып. 39. С. 182] и часто встречается в составе устойчивых конструкций *жить в (во) совете* ‘Жить дружно, в согласии’ [4. Вып. 39. С. 182], *не в совете* ‘Не в ладах, не дружно’ [4. Вып. 39. С. 182], *с советом жить* ‘Жить в любви, согласии’ [4. Вып. 39. С. 183]:

А я с милым другом в совете жила... [2. Т. 2. № 589] – Курск.

Не с богатством мне жить, – с человеком,

Не с высокими хоромами, – с любовью,

Не с частыми переходами, – с советом! [2. Т. 3. № 16] – Курск.

*Вы не кидайтесь на богатство,
На богатство да на высок терем:
Не с богатством мне **жители**,
А с человеком да **со советом!*** [2. Т. 3. № 18] – Вятка.

*Холостой Ванюша женился,
Не в любви жену **брал**,
Не в любви Ваня, не **в совете**...* [2. Т. 3. № 443] – Воронеж.

В вологодской лирике данное существительное зафиксировано в конструкции *свести совет с кем.-л.* ‘Завязать дружеские отношения с кем.-л.’ [4. Вып. 39. С. 182]:

*С кем **сведу совет**, –
Ни в ком правды нет* [2. Т. 6. № 577].

В архангельских и олонекских песнях лексема *совет* тоже встречается, но в составе тавтологических сочетаний *совет советовать* и *совет советать* ‘Советоваться, совещаться’ [4. Вып. 39. С. 184, 186]:

*Промежу собой братаны
Совет советали,
Они **совет советали*** [2. Т. 5. № 279].

*Не спят, не гуляют,
Совет советают* [2. Т. 5. № 22].

*Что единому думу думали,
Един **совет советовали**:
Где бы, где бы нам девицу увидеть,
Где бы, где бы нам красавицу увидеть?* [2. Т. 4. № 567].

Обратимся к описанию территориально маркированных слов. Так, диалектные прилагательные *советный* ‘Дружный, согласный’ [4. Вып. 39. С. 185] и *несоветный* ‘Несогласный, недружный’ [4. Вып. 21. С. 158] используются для характеристики семьи и подруг:

*Две **советные** подружки
Под окошечком сидят,
Про разлуку говорят* [2. Т. 5. № 732].

*Выростешь велика, отдам тебя замуж
В другую деревню, в **несоветную** семью,
Где бьются, дерутся, за волосы берутся* [2. Т. 2. № 561].

Производное предикативное наречие *советно* ‘Согласно, дружно’ [4. Вып. 39. С. 185], зафиксированное в пермском фольклоре, упоминается в ряду с другим диалектным словом *забедно* ‘Завидно, досадно, обидно’ [4. Вып. 9. С. 249]:

*Людям-то диво, что мило,
Людям-то забедно, что советно!* [2. Т. 5. № 393].

Интерес представляет встретившееся только в курской лирике существительное *советница*, которое вместе со словами *работница*, *кукобница* ‘Хорошая хозяйка’ [4. Вып. 16. С. 38], *приветница* ‘Женск. к приветник’ [4. Вып. 31. С. 135] (*приветник* ‘Приветливый человек’ [4. Вып. 31. С. 135]) используется для создания положительного образа молодой жены:

*Она в поле работница,
А в доме кукобница,
Гостям твоим приветница,
А тебе будет советница* [2. Т. 3. № 276].

Таким образом, сопоставительный анализ словообразовательного гнезда позволяет увидеть территориальную специфику, которая проявляется прежде всего в его качественном составе.

В свое время Б.Н. Путилов писал: «Может быть, трудность региональных исследований не в отыскании некоей доминанты, чего-то необычного, выпадающего из привычного набора признаков (хотя на эту сторону должно быть обращено самое пристальное внимание), а в анализе специфики “общеизвестного” и широко распространенного» [12. С. 163]. Материалы конкордансов, включающих все примеры употребления каждого слова, позволяют увидеть территориальное своеобразие «обычных» лексем как на количественном, так и на качественном уровнях. Продемонстрируем данные возможности на примере прилагательного *худой*.

Это достаточно частотное (за исключением самарских песен) слово в необрядовой лирике встречается повсеместно, что подтверждают материалы лексикографических комплексов.

В современном русском языке есть два лексических омонима: *худой*¹ ‘1. Имеющий тонкое, сухощавое тело (о человеке и животном); тощий. 2. Лишенный подкожного жирового слоя (о теле или частях тела)’ и *худой*² ‘1. Трад.-нар. Плохой, дурной. 2. Дырявый, ветхий’

[13. С. 1456]. В лирических песнях слово используется с разной семантикой, правда, в значении 'тощий' значительно реже.

*Говорил милой такая речи-словеса:
«Что ты, лапушка, **худа** стала, очень бледна,
Из ясных очей не очень стала весела?»* [2. Т. 4. № 462].

Как правило, в данном значении слово *худой* оказывается в одном ряду с прилагательным *бледный* 'Не имеющий румянца (о человеке и его лице; обычно как показатель болезни или какого-л. эмоционального состояния)' [13. С. 83].

*Скажи, душенька моя, Отчего **худа, бледна**?* [2. Т. 4. № 261].

*Что ты, Машенька, ты **худа** стала, **бледна**?* [2. Т. 5. № 295].

Частое «соседство» двух эпитетов приводит к появлению композита *худой-бледный*:

– «Али ты безумная? Сестрица моя –
Белая, румяная, всегда весела,
А эта, хозяйюшка, **худа и бледна!**» –
– «Оттого **худа-бледна** – в чужой стороне:
На чужой сторонушке плохое житье!» [2. Т. 3. № 31].

Характерной для необрядовой лирики в целом, независимо от места записи, является атрибутивная пара *худая слава* (*славушка*):

*Про нас так, мил, **худа слава** прошла,
Худа славушка, не очень хороша* [2. Т. 2. № 441] – Архангельск.

– *Пройди, белокурый молодец,
Ты не делай **худой славы** надо мной!* [2. Т. 3. № 269] – Олонец.

*В том гулянице веселья Ваня не нашел,
Сударушку-разлапушку до **худой славы** довел* [2. Т. 6. № 243] – Самара.

*А нам с тобой, братец,
Не честь, не хвала, –
Худая слава!* [2. Т. 3. № 227] – Казань.

***Худа славушка** пойдет,
Никто замуж не возьмет* [2. Т. 4. № 333] – Пермь.

В «Словаре русских народных говоров», где у слова *худой* указано 37 значений [4. Вып. 52. С. 176–204], приводятся устойчивые сочетания *худая(я) слава* и *худая(я) славушка* ('Фольк.'). В составе данной конструкции прилагательное реализует значение 'Дурной, такой, что вызывает неодобрение, заслуживает осуждения' [4. Вып. 52. С. 184].

Такое же значение реализуется в атрибутивных сочетаниях *худой ум* (Пермь) и *худой разум* (Вятка), однако эти конструкции встречаются редко и имеют явную территориальную маркированность.

Нагляделась я на чужих худы умы [2. Т. 4. № 23].

У меня, младшеньки, ум молодой,

Разум худой [2. Т. 3. № 10].

В большинстве регионов России зафиксирована атрибутивная пара *худая жена (женушка)* 'Недостойный, нестойкий (о человеке, людях)' [4. Вып. 52. С. 187]:

Со своей худой женой побраночка была [2. Т. 3. № 501] – Вологда.

С худой женушкой разбранка была:

Она брала меня и тебя! [2. Т. 3. № 497] – Вятка.

Я худую-то жену, жену разнегодную, люблю по закону

[2. Т. 6. № 389] – Саратов.

Не поглянется тебе худая жена, –

Ни продать-то ее, ни променять [2. Т. 3. № 404] – Сибирь.

Реже такой эпитет используется для характеристики мужского персонажа:

Как тебе не взгрустнется,

За худым мужем живучи,

На хорошего гляючи? [2. Т. 3. № 140] – Курск.

Я пойду ли, молоденька, в саду погуляти;

В саду-саду погуляти, травы потоптати,

Поколь батюшка-сударь замуж не выдал

За такого ль за худаго за невесту! [2. Т. 2. № 419] – Воронеж.

Другие же атрибутивные пары с прилагательным *худой*, реализующим иные значения, используются единично и фиксируются на

определенной территории. Так, в песнях, записанных в Пермской губернии, встретилось сочетание *худая погодушка* ‘Ненастный, пасмурный, холодный (о погоде)’ [4. Вып. 52. С. 180]: *На лету у него да крылья примохались, От худой погодушки да перья приломались* [2. Т. 2. № 158]. В курских песнях – *худая рубашонка* ‘Изношенный, дырявый, рваный (об одежде, обуви и т.п.)’ [4. Вып. 52. С. 196] и *худые времена* ‘Связанный с, наполненный тяготами, трудностями, лишениями’ [4. Вып. 52. С. 183]: *Слома голову бежала У худой рубашонке, У драной паниенке, Без причелка сороченка* [2. Т. 4. № 554]; *У нас ныне да худыя времена: Полюбила невестушка деверя* [2. Т. 2. № 641]. В олонекских песнях – *худое здоровьице* ‘Отличающийся слабостью (о здоровье)’ [4. Вып. 52. С. 197]: *Худо ж мое здоровьице без милого дружка!* [2. Т. 5. № 205]. В песнях, записанных в Сибири, – *худая птичка*: *Худая-то птичка куличонко, И та над соколом насмеялась – Наперед-то его залетела* [2. Т. 6. № 364]. В саратовских песнях – оксюморонное сочетание *худой талан* ‘Счастливая доля, судьба; счастье’ [4. Вып. 43. С. 237]: *Ты, талан ли мой, талан худой, Ты, звезда моя злосчастная, Участонька моя горькая!* [2. Т. 6. № 468].

Исключительно в архангельских песнях встретился композит *худенький-худой* ‘Несчастный’ [4. Вып. 52. С. 146]: *А я, худенька-худа, – Вековечная твоя, Вековечная твоя Да подвенечная жена!* [2. Т. 5. № 13].

В воронежской и олонекской лирике зафиксировано сочетание *худое житье*, которое в одном случае сопоставляется с добрым житьем (Воронеж), а в другом *худое бабье житье* противопоставляется *расхорошему* ‘очень хороший’ [4. Вып. 34. С. 303] *житью* до замужества (Олонец). Ср.:

В добром житье лице белеется и румянеется,
В худом житье лице чернеется и стареется [2. Т. 3. № 7].

Будь ты проклято, худое житье бабье,
Расхорошее девишкой житье! [2. Т. 2. № 157].

Таким образом, материалы конкордансов лирических песен, записанных в разных регионах России, свидетельствуют о единстве жанра, что подтверждают многочисленные языковые соответствия. Тем не менее проявляется и территориальное своеобразие лексики, о чем говорят характерные для той или иной губернии атрибутивные сочетания.

Привлечение же к анализу лексикографических комплексов других фольклорных жанров позволит увидеть жанровую специфику общеупотребительного слова. В частности, в онежских былинах прилагательное *худой* не является частотным и используется в большинстве случаев для характеристики людей: жены, поляницы, человека:

*Все ели да пили, порасхвастались,
Но умный как хвастает отцем матерью,
А безумный-то хвастает **худой** женой неудачливоюй* [14. Т. 2. № 102].

*Говорил Илья да таково слово:
– Ты **худая поляница** ты удалая!* [14. Т. 3. № 226].
*– Поженил-то меня батюшко а неволею,
И женила меня матушка не охвотою,
Да приданого много – **человек-от худой*** [14. Т. 2. № 127].

В былинах ни разу не встретилось характерное для лирики сочетание *худая слава*, зато выявлены специфические для эпоса конструкции: *худые товары* ‘Не удовлетворяющий каким-л. требованиям своими свойствами, качествами’ [4. Вып. 52. С. 176] и *худые мостишка* ‘Неблагоустроенный (о дорогах, мостах)’ [4. Вып. 52. С. 179]:

*Он повыкупил еще товары новгородские,
Ай **худы товары** все, добрые* [14. Т. 1. № 70].
*А у вас во города во Киеви,
У собора пресвятые богородицы,
Мощены мостишка все сосновые,
Худые мостишка креноватые,
Креноваты мостишка виловатые,
А вбиты гвоздишка деревянные* [14. Т. 3. № 230].

В курских сказках, записанных Ф. Белкиным, указанное прилагательное не встретилось ни разу, а в сказках, изданных А.Н. Афанасьевым, оно низкочастотно.

Приведем пример словарной статьи конкорданса из лексикографического комплекса курских сказок [15].

Худой 3. *Худое* житье было старику со старухою! <№ 112>; Тем временем пришла колдунья и навела на царицу порчу: сделалась Аленушка больная, да такая *худая* да бледная <№ 261>; Много плакала княгиня, много князь ее уговаривал, заповедовал не покидать высока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться, *худых* речей не слушаться <№ 265> [15. С. 361].

Как видим, прилагательное используется не только в характерных и для лирических песен сочетаниях, но и в составе не отмеченной в необрядовой лирике и эпосе атрибутивной пары *худые речи* 'Недружелюбные, осудительные слова, речи' [4. Вып. 52. С. 194].

Привлечение к анализу других комплексов позволяет корректировать сделанные выводы и выявляет новые факты жанровой и пространственной дифференциации языка русского фольклора. Так, в готовящемся сейчас комплексе донских песен зафиксирована конструкция *худым худой* 'Усилительно' [4. Вып. 52. С. 197]: *При дуване меня, молодца, задувалили: Доставалась мне шубеночка худым худа, Худым худа шубеночка, вся излатана* [2. Т. 6. № 433].

В исторических песнях эпитет *худой*, как и в необрядовой лирике, чаще всего используется для характеристики *славы* (*славушки*). Кроме того, есть и специфически жанровые сочетания: *худая боль*, *худой корабль*, *худая доля*, *худой конец*, *худые лесоры* и др. Все это, на наш взгляд, подтверждает справедливость сформулированных нами принципов подготовки лексикографических комплексов с учетом жанровой характеристики и пространственно-временной однородности фольклорных текстов, что позволяет создавать многослойный портрет фольклорного слова.

Таким образом, можно говорить о высоком исследовательском потенциале лексикографических комплексов, которые, сочетая внимание к каждому языковому явлению с вниманием ко всему материалу, оказываются надежной базой для решения актуальных проблем лингвофольклористики, связанных со спецификой языка разных жанров фольклора и территориальной дифференцированностью народно-песенной речи. Важной проблемой оказывается и проблема идиолектности, решению которой будут способствовать лексикографические комплексы былин разных сказителей, живущих под одним небом в одну и ту же эпоху. Это новое направление дальнейшей лексикографической работы курских лингвофольклористов. Лексикографические комплексы также становятся определенной платформой для создания словарей разных типов, среди которых выделяются уже апробированные нами экспериментальные формы: контрастивные словари, словари одного слова [16] и др. Полагаем, что материалом лексикографических комплексов может стать не только фольклорный текст. Данная идея, на наш взгляд, будет востребована и в авторской лексикографии. Конечно, в зависимости от источника описания и по-

ставленных задач возможно появление новых составляющих в структуре комплексов, в любом случае структурирование лексикографического материала оказывается весьма полезным как для исследователя, так и для любого пользователя.

В свое время О.И. Блинова писала, что изучаемое с помощью лексикографического метода явление «предстает в полном, систематизированном и укрупненном виде, что позволяет выявить такие особенности явления, которые не видны “лексикографически” невооруженным глазом» [17. С. 82]. Думается, что эта мысль верна не только по отношению к уже готовым словарям, но и к разрабатываемым нами лексикографическим комплексам, исследовательский потенциал которых еще предстоит оценить.

Список источников

1. Бобунова М.А. Лексикографические комплексы фольклорных текстов: идея, предварительные итоги и перспективы // Лексикография цифровой эпохи : сб. материалов Междунар. симп. (24–25 сентября 2021 г.). Томск : Издательство Томского государственного университета, 2021. С. 60–62.
2. *Великорусские народные песни* : в 7 т. / изд. проф. А.И. Соболевским. СПб. : Гос. типография, 1895–1902. Т. 2–6.
3. Бобунова М.А. Воронежские необрядовые песни: мегатекст, словник и частотный словарь // Лингвофольклористика. 2020. № 32-2. С. 9–76.
4. *Словарь русских народных говоров*. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2016. Вып. 1–49.
5. Никитина С.Е. Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании (на материале фольклорных и научных текстов) : дис. в виде научного доклада ... д-ра филол. наук. М. , 1999. 54 с.
6. Бобунова М.А. Конкорданс ХХI в.: новая старая форма // Вопросы лексикографии. 2016. № 2 (10). С. 41–54.
7. Бобунова М.А. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Песни Курской губернии. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2019. 286 с.
8. Праведников С.П. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2019. Т. I. 245 с.
9. Бобунова М.А. Онежские былины: Частотный словарь. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. 90 с.
10. Бобунова М.А. Словообразовательное гнездо *скорый* в русском фольклоре // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 1 (36). С. 12–22. URL: https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/02_Бобунова.pdf (дата обращения: 24.06.2022).
11. Праведников С.П. Территориальная дифференциация языка русского фольклора : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Курск, 2011. 42 с.
12. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура; In memoriam. СПб. : Петербургское востоковедение, 2003. 464 с.

13. *Большой толковый словарь русского языка* / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000. 1536 с.
14. *Онежские былины*, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года : в 3 т. 2-е изд. СПб. : Тип. Имп. АН, 1894–1900. Т. 1–3.
15. *Праведников С.П.* Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Т. II. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2019. 383 с.
16. *Бобунова М.А.* Печь нам мать родная: опыт конкорданса одного слова. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2014. 80 с.
17. *Блинова О.И.* Народная речевая культура сквозь призму лексикографического текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 3 (47). Серия: Гуманитарные науки (Филология). С. 78–82.

References

1. Bobunova, M.A. (2021) [Lexicographic complexes of folklore texts: idea, preliminary results and prospects]. *Leksikografiya tsifrovoy epokhi* [Lexicography of the digital age]. Proceedings of the International Symposium. 24–25 September 2021. Tomsk: Tomsk State University. pp. 60–62. (In Russian).
2. Sobolevskiy, A.I. (1895–1902) *Velikorusskie narodnye pesni: v 7 t.* [Great Russian folk songs: in 7 volumes]. Vols 2–6. St. Petersburg: Gos. tipografiya.
3. Bobunova, M.A. (2020) *Voronezhskie neobryadovye pesni: megatekst, slovník i chastotnyy slovar'* [Voronezh Non-Ritual Songs: Megatekst, Glossary and Word List]. *Lingvofol'kloristika*. 32-2. pp. 9–76.
4. Filin, F.P. (ed.) (1965–2016) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vols 1–49. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka.
5. Nikitina, S.E. (1999) *Kul'turno-yazykovaya kartina mira v tezaurusnom opisanii (na materiale fol'klornykh i nauchnykh tekstov)* [Cultural-linguistic picture of the world in the thesaurus description (based on folklore and scientific texts)]. Philology Dr. Diss. Moscow.
6. Bobunova, M.A. (2016) Concordance of the 21st century: a new old form. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (10). pp. 41–54. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/10/3
7. Bobunova, M.A. (2019) *Leksikograficheskiy kompleks fol'klornykh tekstov: Pesni Kurskoy gubernii* [Lexicographic complex of folklore texts: Songs of Kursk Province]. Kursk: Kursk State University.
8. Pravednikov, S.P. (2019) *Leksikograficheskiy kompleks fol'klornykh tekstov: Skazki Kurskogo kraia* [Lexicographic complex of folklore texts: Tales of the Kursk region]. Vol. I. Kursk: Kursk State University.
9. Bobunova, M.A. (2003) *Onezhskie byliny: Chastotnyy slovar'* [Oneza epics: Word List]. Kursk: Kursk State University.
10. Bobunova, M.A. (2020) Slovoobrazovatel'noe gnezdo skoryy v russkom fol'klore [Word-building family skoryy in Russian folklore]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 1 (36). pp. 12–22. [Online] Available from: https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/02_Bobunova.pdf (Accessed: 24.06.2022).

11. Pravednikov, S.P. (2011) *Territorial'naya differentsiatsiya yazyka russkogo fol'klora* [Territorial differentiation of the language of Russian folklore]. Abstract of Philology Dr. Diss. Kursk.
12. Putilov, B.N. (2003) *Fol'klor i narodnaya kul'tura; In memoriam* [Folklore and folk culture; In memoriam]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostoковедение.
13. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.
14. Hilferding, A.F. (1894–1900) *Onezhskie byliny, zapisannye A.F. Gil'ferdingom letom 1871 goda: v 3 t.* [Onega epics recorded by A.F. Hilferding in the summer of 1871: in 3 vols]. 2nd ed. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
15. Pravednikov, S.P. (2019) *Leksikograficheskiy kompleks fol'klornykh tekstov: Skazki Kurskogo kraya* [Lexicographic complex of folklore texts: Tales of the Kursk region]. Vol. II. Kursk: Kursk State University.
16. Bobunova, M.A. (2014) *Pech' nam mat' rodnaya: opyt konkordansa odnogo slova* [Oven is our mother dear: the experience of the concordance of one word]. Kursk: Kursk State University.
17. Blinova, O.I. (2005) *Narodnaya rechevaya kul'tura skvoz' prizmu leksikograficheskogo teksta* [Folk speech culture through the prism of lexicographic text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki (Filologiya)*. 3 (47). pp. 78–82.

Информация об авторе:

Бобунова Мария Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Курского государственного университета (Курск, Россия). E-mail: bobunova61@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mariya A. Bobunova, Dr. Sci. (Philology), professor, Kursk State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: bobunova61@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.11.2022;
одобрена после рецензирования 07.12.2022; принята к публикации 26.04.2023.*

*The article was submitted 18.11.2022;
approved after reviewing 07.12.2022; accepted for publication 26.04.2023.*